

ТАМАРА ЛОМБИНА

И ЗАТЕПЛИЛАСЬ ЗВЕЗДА

РАССКАЗ

Аксинья проснулась на остывающей печи, продолжая улыбаться. Она перетекла сознанием из сна в розовую дымку раннего рассвета и опять в сон. В нём было так же розово и уютно, как в её чистой избе в утреннем освещении. Боже мой, какие молодые и хмельные чувства, перепутав её иссохшее и больное тело с чьим-то молодым и сильным, залетели в предутренние мгновения в её сиротливый дом! Давно она жила одна в этой всё ещё большой и крепкой избе. Да что там в избе, во всей деревне их осталось несколько товаров. В молодости они никогда не дружили между собой. Да и молодость у них у каждой была в разное время: у Аксиньи как раз накануне войны, а все её нынешние подружки успели в невесты после войны. Пospеть-то успели, да их женихов на себе женила война.

Одна только Дарья вышла замуж за безногого инвалида, которого сама же и привезла из города на подводе с пустыми бидонами. Он сидел у чайной, когда она подъехала, чтобы купить лампасек к чаю. Грязными руками безногий солдат скручивал самокрутку. Он хотел было прикурить, но в этот момент увидел Дарью и застыл с открытым ртом, глядя на неё с таким жарким и нескрываемым восторгом и восхищением, что она, и без того разгарчивая, запылала до слёз. Ей почему-то страшно было проходить мимо него. Казалось, если он вдруг протянет руку и ...схватит её, то ей не решиться оттолкнуть его от себя, как бродячего пса. Дарья долго колдовала вокруг подводы, зачем-то передвигала пустые бидоны, но потом решительным шагом направилась к

ЛОМБИНА Тамара Николаевна родилась в г. Актюбинске (Казахстан). Закончила Актюбинский педагогический и Ленинградский библиотечный институты. С 1981 года живёт и работает в г. Сыктывкаре. Автор трёх книг прозы. Написала уникальную книгу для дошкольников "Читайка". Член Союза писателей России.

крыльцу чайной, косолапа от смущения по уходящей из-под ног земле в разношенных кирзовых сапогах. Когда она поравнялась с калеккой, тот вовсе даже и не поднял рук, а вдруг беспомощно и доверчиво, как-то по-собачьи, прижался лохматой головой к её ноге и застыл от собственной смелости. Самого его, давно ничейного, охватило странное ощущение: вот оно, его счастье, вот он, его дом и его хозяйка.

Дарья хотела было оттолкнуть его немытую голову от себя, но вместо того зачем-то схватила его на руки невесть откуда взявшейся силой и понесла к подводу.

Почему Акси́нья вспомнила именно сейчас об этом? Ведь сон был вроде бы не о том. И все-таки о том...

Этот единственный послевоенный жених не обрадовал родителей невесты. Ох, как же выла мать Дарьи, когда та привезла зятя. Но ни слова не сказала своей красавице-дочке, помогла его внести в избу, сама его вымыла в корыте, а вечером пригласила баб, спроворили всем миром стол. Вот тогда Акси́нья и достала свое свадебное платье, которое она сшила, но которое так и осталось ненадеванным, и отдала его невесте. Только за столом все рассмотрели умытого жениха Василия и красоту Дарьи-невесты. А он и на самом деле был красивым парнем, этот приёмш. Он был пьян без вина, сидел и улыбался своими белоснежными зубами.

Какие они оба были красивые и чистые. Из-под стола не видно было пустых штанин. Кудрявый синеглазый жених, которого бил озноб счастья, сидел торжественно и прямо. Невеста нервно перебирала косу и постоянно поправляла на груди оборочки на розовом крепдешиновом платье Акси́ньи. Она, словно во сне, брала рюмку с красным вином из калины, ставила на стол, забыв пригубить, и лишь иногда, справившись со смущением, взглядывала в синий огонь глаз Василия. Щёки её, и без того пылающие, вспыхивали так, что Дарья почему-то испуганно прижимала руки к ним, чтобы чуточку пригасить пламя. А бабы пили вино, подшучивали над женихом и невестой, желали им кучу детей, чем доводили Дарью почти до обморочного смущения. Бабы-страдалицы умильно смотрели на эту пару и пели и плакали об их судьбе-судьбиншке и о своих печалях-горестях неизбывных. Каким огромным было счастье этих молодых и каким долгим: день, вечер, ноооооч и рассвет.

“Вот оно, — подумала Акси́нья, — к чему это я приплела Дарьюшку, ах да... мне самой приснился сон”.

Акси́нья улыбнулась, а потом стала серьёзной, словно открылось ей что-то большое и главное, словно она вдруг проснулась окончательно, стряхнув и сон, и чужие воспоминанья о чужой, невесть зачем её посетившей памяти.

Недолгим было счастье Дарьи и Василия не потому, что не удалась совместная жизнь, а потому, что догнала Василия ненасытная женихолобивая сладострастная старуха-война. После рождения второго ребёнка Дарья стала молодой вдовой. Осколок, о котором не подозревал даже сам Василий, осиротил их дом.

Акси́нья затрясла головой, стараясь стряхнуть одолевающие её воспоминания о нынешней задушевной подруге. Она точно так же хотела забыть и собственный розовый сон, который был так радостно хорош, что было за ним что-то пугающее. То, что она уже прочитала сердцем, но не хотела понять умом.

Акси́нья привычно согрела воды, накормила кур, заговорила с коровой Зорькой, нежно обмыла ей теплой водой вымя. Зорька была такой ласковой и родной, что, если бы это не показалось смешным и нелепым её товаркам, Акси́нья держала бы её в собственной избе. Она ещё телёнком привязчиво ходила за хозяйкой, стараясь лизнуть руку, ногу.

— Ну чё молчишь? Сказала бы что-нибудь? — спросила Акси́нья свою кормилицу.

Зорька замычала и повернула голову, чтобы увидеть хозяйку.

— Ишь, захлопала своими кареками, — нежно проговорила Акси́нья, погладив Зорьку по крутому боку. Уж такая досталась умница, что порой хозяйку оторопь брала. Некоторые бабы все как-то хитрились, чтобы корова

хвостом не помешала, не натрусилась бы сору какого, а эта приспособилась так, что при своей неповоротливости ни разу не причинила Аксинье неудобства.

— Как спалось? — опять уходя от воспоминаний о собственном сне, спросила Аксинья.

Кося огромным глазом, опять промычала Зорька и переступила своими крупными ногами так, чтобы Аксинье стало удобнее.

— Му-удрё-оха ты моя, — передразнила корову Аксинья. А любимица её, словно почуяв тревогу хозяйки, вздрагивала кожей и всё косилась да тяжело вздыхала. Аксинья усмехнулась, поняв, что они по очереди вздыхают.

Потом Аксинья принесла молоко в дом, процедила, ещё тёплое налила в кружку, да так и застыла над ней, окунувшись в свой утренний сон. В этом сне она сидела перед окном, за которым стояла берёза, но в то же время она была этой берёзой. Она чувствовала тёплую нежность солнца, матово тепле-ла берестой и трепетала листьями.

А возможно, она была молодостью в девичьем обличии, в обличии невесты. Эта Аксинья-Неаксинья чувствовала всё, что должна была бы чувствовать она сама на собственной свадьбе, когда бы не забрала Петра война, что чувствовала Дарья, что переживала всякая невеста, стоящая над бездной для того, чтобы упасть туда и утонуть, но при этом всякая с надеждой взлететь. И Аксинья, та, во сне, полетела. Она летала странно, словно в танце, не касаясь земли ногами, в удивительном платье из зари и бирюзового неба парила над землёй. А вокруг неё столько красивых юношеских лиц, видимо, это все, кто когда-либо глянул на неё с нежностью, по которым вздыхала она...

Как волновали её их взгляды! Какое новое, незнакомое чувство вызывали в ней их трепетные руки! Она не ведала доселе ничего похожего. А цветы внизу, которых она едва касалась босою ногой, наполняли её такой нежностью, что воздух становился этой нежностью, запахи трав и цветов были этой нежностью. Но не было рядом с нею того, к которому ей так хотелось потянуться навстречу с отчаянной решимостью Дарьи. Как переливался этот удивительный вечер в ночь, которая на белом облаке опустилась к Аксинье в туманно-сиреновом платье. А разве это не она, Аксинья, была ею, ночью? Да, это тоже была она. Где-то высоко-высоко послышался колокольный перезвон. Какой призывной была музыка эта, какой отчетливой, чистой, она вела её к заветному пределу. Он ждал её там, где музыка была всем, где всё было музыкой.

Аксинья с радостью, всё быстрее и быстрее летела туда, откуда слышна была эта музыка, где она не видела, а, скорее, угадывала манящий её свет.

Дарья вывела Аксинью из раздумий-воспоминаний.

— Чегой-то ты замерла, как мышка, стучу к тебе, стучу, — она в недоумении остановилась перед Аксиньей, которая перебирала свой смертный узел.

— Да вот, приданое пересматриваю, — с виноватой улыбкой ответила ей Аксинья.

— А чего его пересматривать? — испуганно и нарочито строго проговорила Дарья. — Чего это ты удумала?..

— Ты присядь, — с успокоительной нежностью проговорила Аксинья, — не кипятись... Сон мне был... пора мне... Да ты не пугайся и не плачь. — Аксинья сняла белый платок с головы и, как больному ребёнку, стала тепливо объяснять. — Ты не переживай, переезжай в мою избу, она крепче и теплее, свою продай, чтобы чуток откормиться, чтобы не голодала тут без меня, а Зорьку береги, люби её, да разговаривай с ней. Знаешь, какая она у меня болтушка...

— Не хочу я тебя слушать, малахольная, — слабо оттолкнула Дарья руку подруги. — Твоя Зорька без тебя и дня не проживёт, а я... — И ещё больше залилась слезами.

Но Аксинья уже отрешилась от боли подруги.

— Знак мне был, пора мне к моему жениху, позвал он меня. Ни разу не звал, сколько я его видела, да только сегодня позвал, а я уже и хочу... Видать, уже поспела душа... — Она опомнилась, вспомнила про Дарью и

уже совсем твёрдо добавила. — Да ведь мы с тобой давно уж собрались, — похлопала она по смертному узелку, — а кому-то надо пойти первой. Я ведь постарше, а тебе уж и не так страшно будет, мы с Василием твоим тебя там и встретим, товарочка ты моя любезная.

Они обнялись и заплакали, а где-то у самого горизонта затеплилась на светлом небе звезда-свеча.

НОВОЕ ИМЯ

РАССКАЗ

Я никак не мог понять, почему бабку Варю все зовут мёртвой невестой. А спросить всё минутка не созревала. Ведь про этакую страсть так сразу-то, с наскоку, небось и не расскажешь. Да и не хотелось скороговоркой.

А нынче как раз такой вечер и есть: чай раздухманился на всю избу. Бабоньки сами, как дети малые, тени своей ужасаются. Самый раз про мёртвую невесту и послушать бы баечку.

Думалось мне, что, может быть, потому она, бабка Варька, мёртвая невеста, что уж очень медлительная, но чувствует моё сердце, была за этим ещё и тайна какая-то, да такая, от которой мурашки по спине.

Знал я, нельзя вот так прямо взять да и брякнуть, мол, бабка Варя, а почему это тебя зовут мёртвой невестой... Тут подходец нужен, издалека как-то надо.

Вот и смекнул: как она веретено уронит, спрыгну с печки да подниму ей веретено, а потом и скажу: “Баб Варь, а ты замужем была?”

Может, она и проговорится...

Ждать было недолго, ближе к ночи всё чаще стали ронять натруженные руки бабушкиных товарок то спицу, то веретенце. дождался и я своего момента. Как на крыльях, слетел с печи. Хвать веретено, да и спрашиваю у бабы Вари:

— Баб Варь, а ты тоже невестой была?

Бабушка просто даже растерялась...

— Милок, дак все мы тут бывшие невесты. А сейчас, почитай, невесты без места, — засмеялась она неожиданно по-девчоночьи громко...

Мне и всем стало ясно: всё, потечёт сейчас ещё один ручеек рассказа. Зашевелились чуток, поразмяли руки-ноги бабушки и ласково закивали мне и товарочке, мол, молодец, милоч, — это мне, а ей, мол, давай, не тяни, рассказывай, чай, весь вечер промолчала, пора тебе отработать хозяйский чай-сахар.

— Да, вот теперь-то уж и не поверить, что были мы лёгкие да складные, как песня. Инда вспомню, каждая из нас песня, и каждая по своему мотиву, со своими словами, а теперича кажется мне наша прошлая жизнь одной общей песней. И теперь уж без вас-то вроде бы и у меня нет своей мелодии в памяти.

Старухи завздохали, зашевелились, но уже стали нетерпеливо покашливать, начинай, мол, не тяни.

— Была ли я замужем? Ой, была, дитяtko, была...

Но лучше я расскажу тебе одну бывальщину, не на ночь бы её сказывать, а то ведь, пострел, и не уснёшь...

Была у нас одна семья. Очень хорошая, правильная семья, всё ладно да складно... Честь по чести. Девки подрастают, замуж выходят не порченные, парни женятся, да не позорят мать-отца, живут трезво, своим умом... Вот присела пора младшую замуж отдавать...

Хорошая девка была Феня, очень даже справная... Всё у неё ладилось, и жених к ней присватался хороший, Васька Смирнов.

Осень тогда была как по заказу, в самый раз для свадьбы. Тихая, тёплая, дородная. Тут тебе и овощи, тут тебе и яблоки... А деревья принарядились, как молодухи на базар, глаза разбегаются, не знаешь, то ли на рябину смотреть, то ли калиной любоваться...

Уже Василий сватов заслал, невесте и платье купили, и веночек с фатой готов... Осталось только картошку просушить да в закрома сложить и — за свадебку.

Назначили свадьбу чин по чину — на Покров.

А свадьба в деревне — это вам не то, что теперь. Это — праздник для всех, и для старых, и для малых, и для тех, кто ещё себе половинку свою не нашёл... Тут уж не только невеста наряд свой приготовила, но и старухи из сундуков шали стали доставать, проветривать, а кто и новый платочек прикушил.

У Фениной семьи, само собой, переполох... Поскребыша замуж отдают. А семья крепкая, зажиточная — всех удивить хочется: и своих, и дальних.

И уж чем гордилась семья, так это пирогами. У них по породе все бабы и девки такие пироги пекли, что тебе царевна-лебедь. Слово, что ли, какое знают. Так во рту и тают. Как на духу, поднималось тесто, хоть сырым ешь. Уж как напекут, то на всю деревню запах. Отец Фени очень был форсистый мужик... Даже при своей прижимистости на форс не жалел, пекли так, чтобы всякому мальцу, что на дух пирога прибежит, хоть кусок доставался.

Вот уж перед свадьбой Феня замесила столько теста, что и не одну деревню можно было накормить. У всех забот накануне — мужики столы складывают, бабы холодец, компот варят, огурчики, помидорчики из бочек достают, да и подарок надобно толковый подобрать, чтобы молодой семье на начало жизни был кстати.

Невеста уже и наряд свой примерила, и перед зеркалом покрутилась. Ой, и хороша... Это просто ужасть какая-то, до чего правильная невеста. Можно яблок на стол не ставить, у ей щёки, как яблоки. А уж косы... теперича и вовсе такие перевелись: как на голове корзиночкой закрутила — ну чисто царица в золотой короне. Мать, хоть и бегаёт, суетится, но нет-нет да слезу и смахнёт. Вроде бы и причины нет, но так уж и бывает, что такая чистая красота всегда слезу на глаз нагоняет, может, чтобы не ослепнуть, а может, чтобы не сглазить, как знать...

— Тесто затеяли в самой огромной деже, на пекарне взяли для такого случая, Фенюшка едва справлялась, чтобы промесить его как следует. Угомонились позднехонько-о-о,— продолжала свой рассказ баба Варя, и что-то такое послышалось в её голосе, что у меня мурашки забегали по всему телу.

Утром рано-ранёхонько встала мать, зашла к дочке в светёлочку, и... всё село разбудил её вой. Как же выла бедная мать!.. Да как же ей было и не плакать?.. Перед дежей с тестом лежала мёртвая её кровиночка, её деточка, её красавица, её солнышко, её счастье, её поскребышек. Всё так же чисто и живо было лицо, ещё не потеряли румянец щёки, но её губы не скажут матушке и батюшке: “Здравствуйте, мои родимые”, не улыбнутся жениху, не пропоют песни...

Осмотрели её бело тело, но нигде ни точки, ни царапки. Лежит, как живая, да то-то и оно, что неживая...

Словно солнце померкло над деревней, даже собаки перестали перебредиваться. Петухи утром и вечером не кричали своей живой песни. Пришлось всем прятать нарядные платки, красивые платья.

С соседних сел народ приходил попрощаться с Фенюшкой, посмотреть на неё в последний раз...

Отец, хоть и прошёл всю войну и всякое видел, но и он, не сдерживаясь, плакал. Верный пёс Рыжик тихо сидел подле гроба и, слава Богу, не

выл, а всё норовил встать на задние лапы и лизнуть свою молодую хозяйку в щеку. Фенюшка лежала в фате, в подвенечном платье. Даже щёки её не побледнели... Красота её ничуть не убывала, от этого ещё больше было родным и близким, от этого ещё горше плакали они и убивались...

Но это ещё не все испытания, которые уготовил тот день. Пришёл час, и запрягли Сивка в лучшую телегу. Ох уж и убрали-разубрали эту печальную повозку цветами. Мать так причитала и голосила, что тебе плакальщица. Видно, от её воя Рыжик и сошёл с ума. Как начал он кусать невозмутимого Сивка за ноги, тот и понёсся во весь опор. Да с такой скоростью, какой от него уж давно никто не ждал.

Мать Божья, да прямехонько к оврагу полетел обезумевший Сивко вместе с повозкой. Вот тебе беда, да и ещё беда.

Односельчане от неожиданности пристыли к месту. Мать с отцом остолбенели. А повозка уже и у оврага, вот ужко и не видно стало безумного коня, и телега с горемычной Фенюшкой канула... Только теперь стали оживать, двигаться односельчане, а жених с отцом и ещё несколько молодых мужиков бросились на помощь мёртвой невесте. Овраг был темный, поросший орешником. Первым подбежал к печальной повозке отец, вот и остальные мужики поднялись. И в эту минуту даже самые смелые едва не скончались от представшей им картины: Фенюшка дернулась, по ней пошли корчи, одна рука её поднялась, потом вторая... Перекосилось лицо, и... она вдруг села.

Феня с ужасом оглядела своё ложе, неловко, как кукла заводная, сошла с телеги и протянула руки к отцу:

— Тятенька, что это такое?— указала она рукой на оставленный ею гроб. Но отец в ужасе, крестясь, стал отступать от мёртвой невесты.— Батюшка,— бросилась Феня к отцу родному. А тот всё крестится, мол, чур меня, чур. Бедняжка — в слёзы. Как она заплакала, так всем и легче стало, будет ли мёртвая невеста плакать. Ясно, как день, чего ж ей плакать, коль она не ожила. Тут уж и мать, не гляди что полная, прибежала. Детю свою стала обнимать. Кровинушку свою стала целовать. А жених, вовсе обалделый, эдак в сторонке стоит и икает, икает. Ну, да потом и до него дошло. Жива его кралечка, жива. Слава Богу.

Это уж потом только разобрались, в чём дело. Ночью Феклуша стала пробовать тесто на вкус, да и не заметила, как вместе с тестом колечко-то с пальчика снялось, а она, горемычная, его, как накусила, так с перепугу и проглотила. Встало оно поперек горлышка, и замерла она почти бездыханно. Но видать, каким-то чудом воздух чуточку попадал, вот она и не померла, а замерла, как бы заснула... А от тряски да от падения колечко и выпало.

— Не, — как-то засомневался я... — так не бывает, баба Варя, чтобы оживали мёртвые.

Баба Варя опять молодо и звонко засмеялась:

— А как же не бывает, милоч, коли я перед тобой. Покель ещё живая.

— Ага, вот и неправда, — поймал я на слове бабульку. — А тебя как зовут?

— Да вот так теперь и зовут. Уговорили меня родители принять новое имя, чтобы словно и не было в моей жизни этакой страсти никогда. Так-то я в осемнадцать годочков из Фени в Варю превратилась.

— Вот почему тебя мёртвой невестой называют, — догадался я.

— Это кто же это меня так называет? — грозно спросила крошечная баба Варя. Но все товарки опустили глаза и усердно закрутили веретенами и застучали спицами.

Ночью приснилась мне моя соседка Надька со сбитыми коленками и веснушчатым носом. К чему бы это?